

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бурдина О. Б. Парадигмальный подход в терминоведении / О. Б. Бурдина, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 32—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-32-52.

Burdina, O. B., Mishlanova, S. L. (2025). Paradigmatic Approach in Terminology Studies. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 32-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-32-52. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Парадигмальный подход в терминоведении

Бурдина Ольга Борисовна^{1, 2, 3}

orcid.org/0000-0003-2737-8313

доктор филологических наук, доцент,

¹ профессор кафедры лингводидактики;

² профессор кафедры иностранных языков

и медицинской терминологии;

³ заведующий кафедрой гуманитарных

и социально-экономических дисциплин,

корреспондирующий автор

burdina-pfa@yandex.ru

Мишланова Светлана Леонидовна^{1, 2}

orcid.org/0000-0003-3332-9753

доктор филологических наук, профессор,

¹ заведующий кафедрой лингводидактики;

² заведующий кафедрой

иностранных языков

и медицинской терминологии

mishlanovas@mail.ru

¹ Пермский государственный национальный

исследовательский университет

(Пермь, Россия)

² Пермский государственный медицинский
университет имени академика Е. А. Вагнера

Министерства здравоохранения

Российской Федерации

(Пермь, Россия)

³ Пермская государственная
фармацевтическая академия Министерства
здравоохранения Российской Федерации

(Пермь, Россия)

Paradigmatic Approach in Terminology Studies

Olga B. Burdina^{1, 2, 3}

orcid.org/0000-0003-2737-8313

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹ Professor of the Department

of Linguodidactics;

² Professor of the Department of Foreign
Languages and Medical Terminology;

³ Head of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,

corresponding author

burdina-pfa@yandex.ru

Svetlana L. Mishlanova^{1, 2}

orcid.org/0000-0003-3332-9753

Doctor of Philology, Professor,

¹ Head of the Department of Linguodidactics;

² Head of the Department of Foreign
Languages and Medical Terminology

mishlanovas@mail.ru

¹ Perm State University

(Perm, Russia)

² Academician Ye. A. Vagner

Perm State Medical University

of the Ministry of Healthcare

of the Russian Federation

(Perm, Russia)

³ Perm State Pharmaceutical Academy

of the Ministry of Healthcare

of the Russian Federation

(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено истории терминоведения, прослеживается 100-летний путь развития данного научного направления. Отмечается, что дефиниция термина остаётся предметом дискуссий в терминоведческих исследованиях. Статья посвящена выявлению причин изменения объёма понятия «термин». Рассматривается взаимосвязь процессов развития науки с этапами развития терминоведения. Поднимается вопрос применения новых параметров для анализа терминологических процессов. Выполнен обзор развития научной мысли на основе теоретического анализа концепций философии науки. Исследованы социокогнитивные условия формирования научных парадигм (классической, не-классической, постклассической науки). Представлена авторская концепция развития терминоведения с выделением трех парадигм: традиционной (прескриптивной), когнитивно-дискурсивной (дескриптивной), интегративной (прескриптивно-дескриптивной). Выявлены и обоснованы доминирующие процессы терминообразования в описанных парадигмах: дивергентный, конвергентный, дивергентно-конвергентный. Впервые описана новая, только формирующаяся интегративная парадигма терминоведения. Актуальность исследования также состоит в том, что представлена непротиворечивая концепция закономерности изменения объема понятия «термин» в связи с актуальными для каждой парадигмы процессами терминообразования.

Ключевые слова:

парадигмальный подход; научная парадигма; знание; термин; терминоведение; дивергентные и конвергентные процессы терминообразования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is dedicated to the history of terminology studies, tracing its hundred-year development trajectory. It highlights that the definition of a term remains a subject of ongoing debate within terminological research. The article aims at identifying the reasons for changes in the scope of the concept “term.” It examines the interrelation between scientific progress and stages of development in terminology studies. Questions are raised regarding the application of new parameters for analyzing terminological processes. An overview of the evolution of scientific thought based on theoretical analysis of philosophy-of-science concepts is provided. Sociocognitive conditions underlying the formation of scientific paradigms — classical, non-classical, post-non-classical science — are investigated. A novel authorial conception of terminology’s evolution is presented, distinguishing three paradigms: traditional (prescriptive), cognitive-discursive (descriptive), integrative (prescriptively-descriptive). Dominant processes of term formation in these paradigms — divergent, convergent, divergent-convergent — are identified and substantiated. For the first time, an emerging integrative paradigm of terminology studies is described. The relevance of this investigation lies also in presenting a coherent conceptualization of the regularity governing changes in the scope of the notion “term” as related to salient term-forming processes characteristic of each paradigm.

Key words:

paradigmatic approach; scientific paradigm; knowledge; term; terminology studies; divergent and convergent processes of term formation

УДК 81'373.46+81'373.611/.612

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-32-52

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Парадигмальный подход в терминоведении

© Бурдина О. Б., Мишланова С. Л., 2025

1. Введение = Introduction

Современный мир характеризуется динамичным развитием, широким распространением цифровых технологий и оперированием большими базами данных, что, с одной стороны, упрощает процесс получения разнообразной информации, с другой — ставит вопрос о её качестве и соотношении с такой важной категорией, как знание.

Единицей выражения специального знания исследователи называют термин [Гринёв, 1993, с. 33; Лейчик, 2007, с. 20; Новодранова, 2006, с. 82; Barsalou, 2003, с. 514; Temmerman, 2007, с. 27]; представляющий собой синтез когниции и профессиональной коммуникации [Голованова, 2007, с. 36; Манерко, 2021, с. 32; Budin, 2011, с. 469]. Термин детерминирован особенностями дискурса, в котором развивается [Алексеева и др., 2002, с. 3; van Dijk, 2003, с. 53; Schubert, 2011, с. 20—21]; и определение термина находится в состоянии постоянной ревизии.

Дефиниции термина не раз становились предметом дискуссий, а само их многообразие можно рассматривать как следствие внутреннего развития терминоведения. Хронология науки о терминах не раз становилась предметом исследований [Гринев, 1993; Лейчик, 2007; Манерко и др., 2015; Росянова, 2019 и др.], и расширение представления о термине и его функциях отражается в корректировке существующих трактовок. Анализируя работы учёных-терминологов, основатель российского общества «РоссТерм» В. А. Татаринов отметил разнообразие аспектов изучения термина: дидактический, логический, функционально-стилистический, диахронический, философский, семиотический, гносеологический, психо- и социолингвистический, дискурсивный, и др. [Татаринов, 2005, с. 132], что также отчасти объясняет изменение объёма этого понятия.

Однако не только внутренние процессы в терминоведении являются стимулом к развитию представления о термине. По нашим наблюдениям, всё, что происходит в теории термина, коррелирует с развитием научного знания в целом и является репрезентацией смены научных парадигм.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Накопление научных знаний предполагает не только количественные изменения, но и, в первую очередь, качественные преобразования в их структуре, вследствие чего научный прогресс является не постепенным, а скачкообразным процессом, сопровождающимся сломом сложившейся теории. Обозначая это явление «структурой научных революций», Т. Кун вводит в философию науки понятие научных парадигм, при этом, по мнению мыслителя, «исследование, использующее парадигму, должно быть особенно эффективным стимулом для изменения той же парадигмы» [Кун, 1977, с. 79]. Иначе говоря, парадигма неустойчива, её развитие ведёт к выявлению научной аномалии, не укладывающейся в рамки сложившейся концепции, в результате чего происходит научная революция и смена научной парадигмы. Кроме того, парадигмы несопоставимы друг с другом, и при их смене часто невозможно осуществить преемственность теорий, следовательно, кумулятивная модель развития науки, предлагающая непрерывный процесс накопления знаний, несуществима в долгосрочной перспективе.

Научная парадигма конкретизируется Т. Куном через «дисциплинарную матрицу» — единое предметное поле (дисциплину), в котором происходит движение научной мысли, и единую систему установок и правил, по которой в рамках определённого предметного поля учёные осуществляют свою деятельность. Период накопления знания — это «нормальная наука», изменение элементов дисциплинарной матрицы — «научная революция» [Там же, с. 229].

Смена научных парадигм инициируется как внутренними условиями развития определённой сферы (такие явления, как переход от геоцентристической модели мира Птоломея к гелиоцентристической Коперника; от классической механики Ньютона к теории относительности Эйнштейна; от капиталистической модели К. Маркса к социалистической В. И. Ленина и др.), так и влиянием социальных и психологических факторов, поэтому парадигмальный подход может быть применен к науке в целом, а не только к её отдельным направлениям.

В современной философии науки исследователи выделяют три глобальных формы организации научного знания — классическую, неклассическую и постнеклассическую науку, и каждая из них характеризуется своей особенностью организации, методологией и эпистемологией.

Опираясь на типы научной рациональности, академик В. С. Стёpin приходит к заключению, что методология классической науки характеризуется сосредоточенностью на объекте исследования в стремлении получить объективно-истинное знание о мире; неклассической — изучением

связи знаний об объекте с характером средств познания и операций деятельности (значительное внимание уделяется субъекту исследования — человеку, а также инструментам познания); постнеклассическая же наука междисциплинарна, обладает подчёркнутой утилитарной ориентированностью (не просто прикладная, а нацелена на формирование конкретного навыка / компетенции), при этом она характеризуется «внедрением принципов эволюционизма и способностью к самоорганизации» [Степин, 2003, с. 619]. Анализируя классическую, неклассическую и постнеклассическую эпистемологические парадигмы, С. А. Лебедев связывает их с временными периодами и доминирующими философскими концепциями: классическая наука (XVII—XIX века) ориентирована на позитивистскую эпистемологию и индуктивизм; неклассическая (конец XIX века — XX век) — на глобальную научно-техническую революцию (в математике и физике) и антропоцентризм; постнеклассическая (80-е годы XX века до современности) — на новую онтологию, гносеологию, методологию, социологию [Лебедев, 2019, с. 2—3], которые только формируются. Как видим, постнеклассическая наука еще не получила всестороннего теоретического осмысления, но, как мы отмечали ранее, именно в её русле формируются современные научная и образовательная парадигмы [Бурдина, 2024, с. 6—7], и принципы её организации оказывают значительное влияние на развитие отраслевых терминологий.

Знания, накапливаемые предметными областями, фиксируются терминами. На заре терминологической науки было отмечено, что совокупность терминов проявляет системные свойства; это позволило выделить особый тип языковых единиц (терминологию), а затем и отдельное направление в языкоznании — терминоведение.

Статус научной дисциплины терминоведение получило не так давно (около ста лет назад), и сначала оно являлось, скорее, прикладной технологией, позволяющей систематизировать и унифицировать накапливаемые знания, нежели наукой. Тем не менее пристальное внимание к термину способствовало углублению в его природу, появлению научных концепций и терминологических школ. Однако попытки описать природу термина и выявить его константные признаки привели к выявлению научной аномалии: термин, при поступающей стабильности, оказался нестатичной единицей, его системные характеристики в контекстном употреблении значительно менялись. Ряд учёных-лингвистов классифицировал это явление как смену исследовательской парадигмы [Мишланова, 2003; Манерко и др., 2015], и в терминологических работах отмечается противопоставление классического (традиционного) и когнитивно-дискурсивного терминоведения.

Современная ситуация в терминоведении также даёт основания говорить о формировании новой парадигмы. Эпоха больших данных меняет систему организации общества, в первую очередь социальных институтов, что инициирует изменение статусно-ролевых отношений в профессиональной коммуникации. Возрастание роли клиента института в получении услуг и принятии решений (информационное согласие, личные кабинеты и проч.) актуализирует вопрос доступа к специальному знанию и, соответственно, пересмотра понятия знания. Термин — репрезентант знания, изменение в структуре знания неизбежно ведёт к его трансформации и, как следствие, ревизии терминоведческих подходов.

Методология терминоведения, по нашему мнению, развивается по тому же принципу, что и методология науки, но освоены пока два первых этапа: классический (традиционное, прескриптивное терминоведение) и неклассический (когнитивно-дискурсивное, дескриптивное терминоведение). Изучение постнеклассического этапа (интегративной парадигмы терминоведения) представляет несомненный исследовательский интерес, а полученные результаты могут стать основой как комплексного изучения терминологий самых разных предметных полей, так и лингвистического знания в целом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Парадигмальный подход к изучению языковых явлений впервые был представлен в отечественной лингвистике во второй половине XX века. В работах Е. С. Кубряковой, которая считала его исторически обусловленным, поскольку «сформированность научной парадигмы в какой-то момент начинает тормозить новое знание, возникает потребность в революционном перевороте в науке и, как следствие, в появлении новой парадигмы знания» [Кубрякова, 2008, с. 11]. Характеристика научных парадигм исходит из предложенных Т. Куном параметров, поэтому при описании парадигм лингвистики Е. С. Кубрякова предлагает следующие три: мотив, содержание, метод [Кубрякова, 1995, с. 167].

Понятие «парадигма» в лингвистических исследованиях, по мнению Ц. Ц. Огдоновой, можно рассматривать широко, как набор взглядов, ценностей и техник, и узко — как образец решения конкретных задач, позволяющий в дальнейшем рассматривать его «для трактовки других проблем данной же научной дисциплины [Огдонова, 2010, с. 44]. По мнению исследователя, во втором случае целесообразно понимать под парадигмой хронологически и культурно обусловленную динамичную систему представлений о языке, в рамках которой развивается концептуальная схема теории языка на базе определённой философии; и если заданные Е. С. Ку-

бряковой параметры (мотив, метод и содержание) не совпадают в этих схемах, можно говорить об отдельных научных лингвистических парадигмах, например, когнитивной, коммуникативной, лингвокультурологической, социолингвистической и др. [Там же, с. 46]. Выделение таких лингвистических научных парадигм, по нашему мнению, вписывается в понятие «дисциплинарных матриц» Т. Куна. В первом же — широком — понимании научной лингвистической парадигмы Ц. Ц. Огдонова предлагает опираться на общие принципы научного подхода к исследованию языка, вследствие чего формируется «суперпарадигма» — доминирующая в тот или иной период совокупность установок, закладывающая определённую модель общей проблемы, а также вариантов и процедур её решения [Там же, с. 46—47]. В описании «суперпарадигмы», по нашему мнению, проявляются не столько лингвистические, сколько универсальные характеристики, что делает само понятие «суперпарадигмы» близким к пониманию парадигмального развития научного знания в философии науки.

Следует отметить, что появление терминоведения является следствием парадигмального сдвига внутри лингвистики. Углубление в суть термина раскрывает его пограничную природу: зародившись в позитivistской модели знания как средство регуляции языков для специальных целей (*language for special purposes*), термин (лексема, искусственно отобранный для номинации научного понятия) оказался противопоставлен слову естественного языка (языка для общих целей — *language for general purposes*). Источником возникновения термина, как нами отмечалось ранее, является взаимодействие трёх составляющих: философии, лингвистики и индустриализации [Алексеева и др., 2021, с. 11]. Это накладывает свой отпечаток на особенности как самого термина, так и совокупности терминов — терминологии. Лингвистика оказалась тесной для термина, её арсенал — недостаточным для его изучения и осмысления; возникла настоятельная потребность в развитии терминоведения как самостоятельной науки.

Столетний путь терминоведения был интенсивным, поскольку за короткий срок ему прошлось пройти те же этапы развития, которые некоторые другие предметные области осваивали с XVII века. В нашем исследовании терминологические процессы изучаются в парадигмальном ключе с выделением трёх парадигм: классической — традиционное (прескриптивное) терминоведение; неклассической — когнитивно-дискурсивное (дескриптивное) терминоведение и постнеклассической — интегративное (прескриптивно-дескриптивное) терминоведение.

3.1. Традиционная (прескриптивная) парадигма терминоведения

Интерес к термину оформляется в научное направление в 30-х годах XX века в условиях развития индустриального общества, логического по-

зитивизма и научного эмпиризма. Это время поиска идеальных моделей, в том числе в лингвистике, благодаря чему появляется идея создания планового, логичного, универсального языка (эсперанто). Реакцией на стремительное развитие индуктивных наук и производства стала потребность в едином подходе к оформлению профессионального знания, четкой и понятной системе его трансляции.

Подтверждением универсального характера развивающегося явления можно считать практически параллельную (и близкую по полученным результатам) работу над термином в принципиально разных политических, социальных и культурных системах — капиталистической, где теорией термина в плотную занялся промышленник, «отец технологической стандартизации» австриец О. Вюстер, и социалистической, в которой вопросы технической терминологии разрабатывали Д. С. Лотте, П. А. Флоренский, Э. К. Дрезен, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский и др. Потребность в появлении терминоведения соответствовала как веяниям времени, так и внутренней логике развития языка.

Классическая парадигма терминоведения по онтологическим характеристикам соответствует классическому этапу развития науки (хотя они и значительно разведены во времени): она ориентирована на позитивистскую эпистемологию и индуктивистскую методологию. Внимание к макрообъектам, жёсткий эмпиризм и рационализм классической парадигмы терминоведения обусловливаются необходимостью дефинировать большое количество новых понятий, для чего было необходимо разработать чёткие параметры терминов, унифицировать их структуру, выявить системные отношения между ними, дефинировать и кодифицировать. Термин позиционируется как особая единица технической номинации — стилистически нейтральная, однозначная, точная, непротиворечивая [Лотте, 1931]. Терминоединицы, не соответствующие «идеальному термину», сопоставляются с нормативным вариантом для определения их роли в терминосистеме; в исследовательской литературе представлены такие подвиды термина, как предтермин, прототермин, квазитермин, терминоид, номен и проч. (подробнее об этом: [Гринев, 1993; Лейчик, 2007; Фельде, 2013 и др.]).

С формированием прескриптивной парадигмы терминоведения начинает всё явственнее проявляться то, что (по Т. Куну) служит эффективным стимулом её изменения: термин развивается в пограничной между наукой и языком области, это не только единица специальной номинации, но и часть лексического состава живого языка (по определению Г. О. Винокура, «не особое слово / слова, а только слово / слова с особой функцией» [Винокур, 1959, с. 5]), поэтому ему присущи те же качества, что и другим лексическим единицам (многозначность, синонимия и проч.). В. М. Лейчик обо-

значил это свойство «языковым субстратом» термина [Лейчик, 1986, с. 91], и именно на нём развилась теория терминологической вариативности.

Отказ от прескриптивной концепции отмечается и в зарубежном терминоведении. На рубеже ХХ—XXI веков активно критикуется вюстерианство [Temmerman, 2000; Temmerman, 2007], большую роль в терминологических исследованиях начинают играть социальный и когнитивный подход [Barsalou, 2003; Budin, 2011; Picht, 2013; Faber, 2012 и др.], как показано ранее в [Алексеева и др., 2020, с. 78—81].

Благодаря вниманию к лингвистической природе термина происходит постепенное смещение в понимании его функций: термин позиционируется не как конечный фрагмент познания (эквивалент понятия, которое он номинирует), а как инструмент познания и элемент структурирования специального знания (реализация актуальной части понятия в определённой дискурсивной ситуации). Таким образом, потребность в изучении терминологии как особого класса единиц языка для специальных целей сначала привела к выделению терминоведения в особую лингвистическую дисциплину, а затем интерес к термину как к тактике человеческого мышления дал стимул к развитию когнитивного терминоведения.

3.2. Когнитивно-дискурсивная (дескриптивная) парадигма терминоведения

Рубеж ХХ—XXI веков прошёл под эгидой когнитивной науки. Зародившись в 70-х годах прошлого века и выдвинув на первый план познавательные процессы функционирования мозга и механизмы регуляции поведения живых существ, в том числе человека, когнитивная наука проникла практически во все сферы знания, инициировала появление нейрофизиологии и нейробиологии, когнитивной психологии, когнитивной информатики (ставшей основой для разработок искусственного интеллекта и нейросетей), когнитивной лингвистики и других наук, занимающихся проблемами изучения связи между мышлением, сознанием и познавательной активностью человека и окружающим его миром.

В центре внимания когнитивной лингвистики стоит вопрос о роли языка в процессах обработки человеческого опыта; категоризации и концептуализации информации об окружающем мире; соответствия, как отмечают И. П. Массалина и В. Ф. Новодранова, между «единицами текста, кодируемой ими информацией и стоящими за этой информацией ментальными структурами или их элементами» [Массалина и др., 2009, с. 7]. Подобного мнения придерживаются и зарубежные исследователи, так, утверждается, что знание генерируется путем извлечения информации из повседневного опыта взаимодействия индивида с окружающей его действительностью [Barsalou, 2003, с. 521].

Базовыми понятиями когнитивной лингвистики являются дискурс и концепт. Под первым, согласно Т. ван Дейку, принято понимать «сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и воспроизведение» [Дейк, 2000, с. 121—122], или, иначе говоря, речевую и мыслительную деятельность, включенную в специальную (профессиональную, научную, познавательную) сферу; под вторым — совокупность и преломление всех видов знания о каком-либо явлении, или, как пишет В. А. Красных, «бытие знака как известной когнитивной структуры» [Красных, 2003, с. 267]. Следовательно, во главу угла ставится не нормативный аспект, а исследование функций термина в дискурсе, и сама парадигма терминоведения носит не прескриптивный, а дескриптивный характер.

Когнитивное терминоведение исходит из положения о динамической природе термина, развитии термина в дискурсе и предусматривает проведение интегрированных исследований языков профессиональной коммуникации, акцентируется внимание на научном знании и его преломлении в профессиональной деятельности. Специальная коммуникация, как отмечает Л. А. Федюченко, рассматривается как многоэтапный когнитивный процесс, учитывающий характер информации, условия её получения, язык кодирования / декодирования, профессиональные компетенции коммуникантов [Федюченко, 2020, с. 6]. В связи с этим возрастает роль деятеля в процессах генерации, хранения и передачи знания, поэтому когнитивное терминоведение часто характеризуют как антропоцентрическое.

В фокусе когнитивного терминоведения находится термин как концепт знания. Каждая конкретная реализация термина в дискурсе — это репрезентация определённого фрагмента знаниевой структуры, отголосок общего понятия. Следовательно, изучая когнитивную структуру термина, можно категоризировать явления и моделировать терминосистемы [Fillmore et al., 2003], выстраивать когнитивные матрицы, лингвистические онтологии [Faber, 2012] и терминологические базы данных [Жилов, 2016; 2017]. Если в рамках прескриптивной парадигмы терминоведения термин позиционировался как некий эталон репрезентации знания, то в рамках дескриптивной — это многообразие форм репрезентации знания, ориентированных на разные категории пользователей.

Каждый тип деятельности в рамках социального института (медицины, фармации, права, педагогики и проч.) обеспечивается определённым подвидом профессионального дискурса: внутрипрофессиональным (между учёными-представителями одной профессии), межпрофессиональным (представителями разных профессий, имеющими пересечение в исполнении профессиональных обязанностей), профессиональноязычным (ис-

пользование общего метаязыка, как, например, латинский язык в сфере здравоохранения) (подробнее об этом — [Дейк, 2000, с. 151—155]). Участники коммуникации могут обладать разными терминологическими компетенциями, что находит отражение в выборе используемой ими терминологии. Отражая общее понятие, в разных ситуациях профессионального общения могут использоваться разные терминоварианты. При этом языки разных профессий объединяет функциональное назначение терминов: способность номинировать научное понятие, вписанное в систему других понятий определённой профессиональной сферы, или, как отмечает Е. И. Голованова, «вербализовать результат профессионального мышления» [Голованова, 2008, с. 78].

Большое значение для понимания зависимости выбора терминовариантов от контекста употребления имеет работа Л. Хоффмана, посвящённая профессиональной коммуникации. В рамках институционального общения, построенного на разных видах профессиональной активности, исследователь выделяет пять типов взаимодействия: научное, экспериментальное, технологическое, производственное, потребительское [Hoffmann, 1987, с. 65—67]. Каждому из них присущи свои стилевые черты: употребление абстрактной / конкретной лексики, интенсивность использования научных терминов, наличие специальных символов (знаков, формул, абревиатур и проч.). Эта модель наглядно демонстрирует необходимость вариативных способов презентации специального знания и служит подтверждением концептуальной структуры термина.

Дескриптивная парадигма терминоведения стала, с одной стороны, следствием преодоления ограничений традиционного (прескриптивного) терминоведения, с другой — результатом влияния позитивистской философии (подробнее об этом [Antia, 2000; Humbley, 2018; Temmerman, 2000 и др.]). Всё это привело к обновлению теоретической базы терминоведения, а также потребовало поиска новых способов решения проблем терминологического варьирования.

Попытка применения парадигмального подхода в терминоведении предпринималась Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой при обосновании статуса когнитивного терминоведения [Алексеева и др., 2002]. За основу парадигмального анализа была принята логика рассмотрения парадигм лингвистики [Степанов, 1985], особенно в связи с интересом исследователей к интенсивно развивающейся в конце XX века когнитивной лингвистике [Кубрякова, 1995]. Исследователями предложена парадигмальная концепция, построенная по принципу оппозиции классического и формирующегося нового (когнитивного) направления терминоведения; было выявлено, что традиционное терминоведение аспектирующее (ког-

нитивное — синтезирующее), монопарадигмальное (когнитивное — полипарадигмальное), нормо- и лингвоцентрическое (когнитивное — личностно-деяльное); по требованию к термину традиционное опирается на системность (язык-система, язык-текст), а когнитивное — на динамику репрезентации (язык способность). В результате такого подхода осуществлена попытка проникнуть «в сущность термина, специфику его функционирования в специальных текстах и специальном речевом обиходе без приписывания ему желаемых свойств и качеств» [Алексеева и др., 2002, с. 13]. Исследователям удалось выявить параметры (соответствующие концепции Е. С. Кубряковой: мотив, содержание и метод), на основании которых доказан переход от «нормальной науки» к «научной революции» (в терминологии Т. Куна) в рамках терминоведения. В дальнейшем развёрнутую характеристику когнитивное терминоведение получило в работах терминологов-когнитологов Л. А. Манерко [Манерко, 2021], В. М. Лейчики [Лейчик, 2007], а также в монографиях по когнитивной лингвистике Т. Г. Скребцовой [Скребцова, 2018], Л. А. Манерко [Манерко, 2024] и др.

И классическое (прескриптивное), и когнитивно-дискурсивное (дескриптивное) терминоведение — это стадии эволюционного процесса, свойственного разным областям научного знания, что лишний раз подтверждает научный статус терминоведения.

3.3. Интегративная (прескриптивно-дескриптивная) парадигма терминоведения

Социальный и когнитивный контекст развития знания на рубеже ХХ—ХXI веков значительно меняется, исследователи фиксируют медиальный поворот в лингвистике, проявляющийся в распространении поликодовых и гибридных текстов [Чернявская, 2013]. Объектом постнеклассической науки, как мы отмечали ранее, также являются гибридные объекты, которые требуют интегративного подхода в их изучении.

Терминология, являясь вербализированным продуктом профессионального мышления и способом фиксации профессионального опыта, строится, с одной стороны, на тщательном отборе языковых средств для описания этого опыта, а с другой стороны, профессиональное знание нуждается в механизмах трансляции, во взаимодействии с широким кругом лиц. Такое усложнение модели трансфера знания — соединение процессов получения, хранения и коммуникации знания — обусловило в современных исследованиях взгляд на терминологию как на гибридный объект и, соответственно, переход к новой парадигме. Классическое и неклассическое терминоведение подготовили почву для формирования нового этапа теоретического осмысливания термина — постнеклассического терминоведения.

Дальнейшее развитие парадигмального подхода (пересмотр парадигм, выделение нового параметра парадигмальности на основе дивергентной и конвергентной основы терминологических процессов, отнесение классического терминоведения к дивергентной, а когнитивного терминоведения к когнитивно-дискурсивной, или конвергентной, парадигме) предпринято в исследовании терминологических процессов в фармацевтическом дискурсе [Бурдина, 2024]. В рамках исследования выявлено, что современное (интегративное) терминоведение обусловлено новыми социокогнитивными реалиями, развивается в новой парадигме знания (в русле постнеклассической науки) и демонстрирует усложнение и комплементарность всех парадигмальных параметров. Особенно это заметно при сопоставительном анализе всех трёх парадигм терминоведения (табл. 1).

Таблица 1

Парадигмальный подход к терминоведению

Критерии описания	Парадигма терминоведения		
	Классическая	Неклассическая	Постнеклассическая
Терминоведение	традиционное (классическое, прескриптивное)	когнитивно-дискурсивное (динамическое, дескриптивное)	интегративное (прескриптивно-дескриптивное)
Предмет изучения	терминосистема (процесс нормирования и кодифицирования)	динамические процессы (вариативность терминологии)	вариативность системности
Объект изучения	терминология (без терминологической лексики)	терминология (терминосистема и терминолексика)	терминология (все способы объективации знания)
Термин — элемент	терминосистемы	текста / дискурса	отраслевого стандарта
Открытость системы	ограничена институтом	ограничена институтом	не ограничена институтом
Знание	выражение знания единицами языка	язык и познание (в человеке/ для человека)	социальная доступность знания
Стимул развития термина	дивергенция	конвергенция	дивергенция+конвергенция

Рассмотрение терминоведения с позиций парадигмального подхода ставит вопрос о параметризации термина. Этот вопрос не нов для терминоведения, но само выделение параметров (точность, краткость, эквивалентность

выражаемому понятию и проч.) подвергалось критике со стороны многих исследователей. Результатом применения парадигмального подхода является выделение ведущего мотива терминообразования, который позволяет взглянуть на параметризацию термина как на эффективный инструмент, применяемый в соответствии с задачами существующей научной парадигмы (или доминирующий в каждой из парадигм): дивергентный, конвергентный и дивергентно-конвергентный способ терминообразования.

Под *дивергенцией* (лат. *divergo* — «отклоняюсь») понимается процесс выделения, обозначения, конкретизации признаков и свойств. В терминоведении дивергенция способствует отбору терминологических единиц для презентации научного понятия. Можно сказать, что классическое терминоведение, отделившись от лингвистики, ориентировано на поиск уникальных характеристик термина (по отношению к лексике живого языка), именно поэтому оно прескриптивно и жёстко параметрированно. Развитие предметного поля способствует пониманию его уникальности и индивидуализации, формированию метаязыка специальности; институциализация профессионального дискурса усиливает процесс дивергенции. Однако ориентация на дивергенцию как на основной процесс терминообразования ограничивает возможности трансляции знания и, как следствие, провоцирует парадигмальный кризис, что приводит к смене парадигмы.

Конвергентные механизмы (лат. *convergo* — «сходусь») способствуют трансляции знания, при взаимодействии метаязыков предметных полей и национального языка происходит обмен языковыми единицами. Деинституциализация способствует конвергентным процессам в терминообразовании: «терминоединицы, даже если они не соответствуют кодифицированным вариантам, но способствуют эффективной профессиональной коммуникации, оказываются востребованы в языке, и в современном профессиональном общении образуют более частотную терминологическую зону, нежели стандартные нормативные терминоединицы» [Бурдина, 2024, с. 68—69]. Когнитивная парадигма терминоведения ориентирована на расширение понятия термина и его дискурсивной роли. При этом в ряде исследований отмечаются методологические трудности при описании терминологических систем с опорой только на достижения когнитивной лингвистики [Федюченко, 2020, с. 56—58].

Интегративная парадигма терминоведения может быть охарактеризована не только как прескриптивно-дескриптивная, но и как дивергентно-конвергентная. Её особенность заключается не только во взаимодействии терминологических процессов (дивергенции и конвергенции), но и в трансформации их трактовки, что связано с изменением представления о знании.

Как мы отмечали ранее, знание в современной социокогнитивной ситуации рассматривается скорее как осведомлённость о чём-либо, чем как результат познания. Преимущество же современной трактовки в том, что знание понимается как открытый информационный ресурс, позволяющий получить различные (как минимум, элементарные) навыки большому количеству заинтересованных в них людей.

Расширение доступа к знанию ставит вопрос также о доступности терминологии для разных категорий пользователей, происходит размытие понятий социальных институтов (необходимую помощь можно получить как в рамках института, так и без).

Доступность терминологии ставит вопрос о нормировании и кодификации, поскольку нормативный (высоконаучный) вариант часто оказывается ограничен научной сферой общения, а в социальной коммуникации используются более простые, удобные для пользователей варианты, следствием чего становится расслоение терминологии (смещаются центр и периферия в терминополе). Частотность терминовариантов усиливает их целесообразность в номинации тех или иных специальных понятий (разумеется, не в научном, а в социальном взаимодействии). Расслоение терминологии фиксируется отраслевыми стандартами, увеличивая количество кодифицированных терминологических вариантов — формируется многообразие терминологических стандартов.

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи обобщаются результаты ранее проведенных исследований, предлагается рассмотрение парадигмальных сдвигов в терминоведении с учетом характера терминологических процессов, на основании чего выделяется современная парадигма терминоведения — интегративная (дескриптивно-прескриптивная, дивергентно-конвергентная).

Развитие науки представляет собой процесс постоянного приращения знания, расширения возможностей познания, формирования актуальных методологических подходов. Приращение знания в современном социуме предполагает не только усложнение знаниевой структуры, сколько разнообразие способов его фиксации» — хранения — трансляции, в связи с чем актуализируется роль термина в процессах номинации явлений, а также роль терминоведения как науки о терминах.

Противоречивая природа термина, из-за которой возникает сложность с его дефинированием, заключается в том, что термин не статическое явление. Он эволюционирует, развивается, и на разных этапах своего развития демонстрирует способность обосабливать, выделять, развивать специальное знание (отражать дивергентный процесс терминологизации) или синтези-

ровать, объединять, экстраполировать (реализовываться в конвергентном процессе терминологизации). На современном этапе взаимодействие этих процессов проявляется в формировании полисистемности стандартов.

Процессы, рассмотренные на примере терминоведения, являются актуальными и для других направлений научной мысли, например для лингвистики, что убедительно доказано в исследовании Л. И. Ермоленкиной, посвящённом дискурсивной картине современного радио [Ермоленкина, 2021].

Парадигмальный подход в изучении терминологии способен преодолеть накопившиеся в терминоведении противоречия, выполняя систематизирующую и синтезирующую роль в осмыслении научного знания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Алексеева Л. М. Вековой путь российского терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 9—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9_9-34.
2. Алексеева Л. М. К истокам социотерминоведения : социокультурные контексты функционирования термина/ Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Сфера культуры. — 2020. — № 1. — С. 77—86. — DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77.
3. Алексеева Л. М. Медицинский дискурс : теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2002. — 200 с.
4. Бурдина О. Б. Терминологические процессы в фармацевтическом дискурсе : социокогнитивное моделирование : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. Б. Бурдина. — Пермь, 2024. — 480 с. — ISBN 5-8241-0302-X.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. — Москва : Учпедгиз, 1959. — 492 с.
6. Голованова Е. И. Предмет и задачи когнитивно-исторического терминоведения / Е. И. Голованова // Научно-техническая терминология. — 2007. — Выпуск 1. — С. 12—13.
7. Гринев С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринёв. — Москва : Московский лицей, 1993. — 309 с.
8. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БКГ им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
9. Ермоленкина Л. И. Дискурсивная картина мира современного радио : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Лариса Ивановна Ермоленкина. — Томск, 2021. — 422 с.
10. Жилов Р. А. К вопросу о построении когнитивных карт для интеллектуальной обработки данных / Р. А. Жилов // Вестник КРАУНЦ. Физ.-мат. науки. — 2016. — № 4—1 (16). — С. 101—106.

11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с.
12. Кубрякова Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике : введение / Е. С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкоznания ; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-248-00436-2.
13. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука в конце 20 века. — Москва : Институт языкоznания РАН, 1995. — 238 с.
14. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. — Москва : Прогресс, 1977. — 300 с.
15. Лебедев С. А. Классическая, неклассическая и постнеклассическая методология науки / С. А. Лебедев // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. — 2019. — № 2. — Т. 76. — С. 1—15. — DOI: 10.18698/2306-8477-2019-2-596.
16. Лейчик В. М. о языковом субстрате термина / В. М. Лейчик // Вопросы языкоznания. — 1986. — № 5. — С. 87—97.
17. Лейчик В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2007. — 256 с. — ISBN 978-5-397-06819-2.
18. Лотте Д. С. Очередные задачи научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. — Москва : Наука, 1931. — 158 с.
19. Манерко Л. А. Европейское терминоведение : от виостерианского понимания термина к осмыслению когниции и коммуникации / Л. А. Манерко, А. Н. Шарапков // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия : Лингвистика. — 2015. — № 5. — С. 24—32.
20. Манерко Л. А. Когнитивная теория языка : философские основания и направления исследований / Л. А. Манерко. — Москва : Гнозис, 2024. — 448 с. — ISBN 978-5-94244-086-2.
21. Манерко Л. А. Профессиональный дискурс на пересечении общесемиотических проблем когниции и коммуникации / Л. А. Манерко // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 1 (44). — С. 32—40.
22. Массалина И. П. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. — Калининград : Изд-во ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-94826-258-1.
23. Мишланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе : Образование, функционирование, развитие : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / С. Л. Мишланова. — Москва, 2003. — 392 с.
24. Новодранова В. Ф. Когнитивное терминоведение / В. Ф. Новодранова // Общее терминоведение : энциклопедический словарь. — Российское терминологическое общество Росс Терм. — Москва : Московский Лицей, 2006. — С. 82—84.
25. Огдонаева Ц. Ц. Научная парадигма как ключевое понятие современной науки о языке / Ц. Ц. Огдонаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 43—49.
26. Росинова Т. С. Когнитивные аспекты развития и функционирования английской терминологии маркетинга : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Т. С. Росинова. — Санкт-Петербург, 2019. — 40 с.
27. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : Классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — Москва : ЯСК, 2018. — 391 с. — ISBN 978-5-6040195-7-3.

28. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. — Москва : Наука. 1985. — 334 с.
29. Стёпин В. С. Теоретическое знание : структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2003. — 743 с. — ISBN 5-89826-053-6.
30. Татаринов В. А. Терминологическая лексика русского языка : эволюция проблем и аспектов изучения / В. А. Татаринов // Русский язык в современном обществе : Функциональные и статусные характеристики. — Сер. «Теория и история языкоизнания». — Москва : РАН. ИИОН, 2005. — С. 133—164.
31. Федюченко Л. Г. Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.21 / Л. Г. Федюченко. — Тюмень, 2020. — 407 с.
32. Фельде О. В. Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте / О. В. Фельде // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 10. — С. 50—55.
33. Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике : поликодовые и гибридные тексты / В. Е. Чернявская // Вестник ИГЛУ. — 2013. — № 2 (23). — С. 122—127.
34. Antia B. E. Terminology and language planning : an alternative framework of practice and discourse / B. E. Antia. —Amsterdam : John Benjamins Publishing Co., 2000. — 265 p.
35. Barsalou L. W. Situated simulation in the human conceptual system / L. W. Barsalou // Language and Cognitive Processes. — 2003. — № 18. — Pp. 513—562.
36. Budin G. Designing and implementing strategies of global, multilingual “Disaster Communication” / G. Budin // Special language and innovation in multilingual world : book of abstracts. — Perm : Russia, 2011. — Pp. 11—26.
37. Dijk T. A. van. Specialized discourse and knowledge : a case study of discourse of modern genetics / T. A. van Dijk // Cad. Esp. Ling., Campinas. — 2003. — Vol. 44. — Pp. 21—55.
38. Faber P. A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language / P. Faber // Berlin-Boston. — 2012. — Pp. 301—307.
39. Faber P. Specialized Knowledge Representation : From Terms to Frames / P. Faber, M. Cabezas-Garcia // Research in Language. — 2019. — Vol. 17 (2). — Pp. 198—203. — DOI: 10.2478/rela-2019-0012/.
40. Fillmore C. J. Background to FrameNet / C. J. Fillmore, Ch. R. Johnson, R. L. Miriam Petrucc // International Journal of Lexicography. — 2003. — № 16 (3). — Pp. 235—250.
41. Ha A. Y. H. What is technicality? A Technicality Analysis Model for EAP vocabulary / A. Y. H. Ha, K. Hyland // Journal of English for Academic Purposes. — 2017. — № 28. — Pp. 35—49.
42. Humbley J. Socioterminology / J. Humbley // Languages for Special Purposes : An International Handbook / eds. J. Humbley, G. Budin, C. Lauren. — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. — Pp. 469—488. — ISBN 978-3-1102-2800-7.
43. Picht H. Concepts as Reflection of Societal changes / H. Picht // Terminologija. — Vilnius : Lietuviai kalbos institutas, 2013. — Pp. 10—23.
44. Schubert K. Specialized Communication Studies : An expanding discipline / K. Schubert // Current Trends in LSP Research : Aims Methods. — Ed. by M. Petersen, J. Engberg. — Bern, Berlin : Peter Lang, 2011. — Pp. 19—58.
45. Temmerman R. Approaches to terminology. Now that the dust has settled / R. Temmerman // Synaps : Fagspråk. Rjmmunikasjon. Kulturkunnskap. — 2007. — № 20. — Pp. 27—36.

46. Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach / R. Temmerman. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2000. — 258 p.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025,
одобрена после рецензирования 21.11.2025,
подготовлена к публикации 20.12.2025.

References

- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2002). *Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis*. Perm: Perm State National Research University. 200 p. (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2021). Age-Old Path of Russian Terminology. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—34. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-9-34>. (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2020). Towards the origins of sociotermology: socio-cultural contexts of the functioning of the term. *Sphere of culture*, 1: 77—86. DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77. (In Russ.).
- Antia, B. E. (2000). *Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. 265 p.
- Barsalou, L. W. (2003). Situated simulation in the human conceptual system. *Language and Cognitive Processes*, 18: 513—562.
- Budin, G. (2011). Designing and implementing strategies of global, multilingual “Disaster Communication”. In: *Special language and innovation in multilingual world: book of abstracts*. Perm: Russia. 11—26.
- Burdina, O. B. (2024). *Terminological processes in pharmaceutical discourse: sociocognitive modeling*. Doct. Diss. Perm. 480 p. ISBN 5-8241-0302-X. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2013). The medial turn in linguistics: polycode and hybrid texts. *IG-LOO Bulletin*, 2 (23): 122—127. (In Russ.).
- Dake, T. A. van. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: BCG named after I. A. Baudouin de Courtenay. 308 p. (In Russ.).
- Dijk, T. A. van. (2003). Specialized discourse and knowledge: a case study of discourse of modern genetics. *Cad. Esp. Ling., Campinas*, 44: 21—55.
- Ermolenkina, L. I. (2021). *The discursive picture of the world of modern radio*. Doct. Diss. Tomsk. 422 p. (In Russ.).
- Faber, P. (2012). A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language. *Berlin-Boston*. 301—307.
- Faber, P. (2019). Specialized Knowledge Representation: From Terms to Frames. *Research in Language*, 17 (2): 198—203. DOI: 10.2478/rela-2019-0012/.
- Fedyuchenko, L. G. (2020). *Terminological database as a transfer model of technical knowledge*. Doct. Diss. Tyumen. 407 p. (In Russ.).
- Felde, O. V. (2013). Languages for special purposes in the historical and linguistic aspect. *Bulletin of the Buryat State University*, 10: 50—55. (In Russ.).
- Fillmore, C. J., Johnson, Ch. R., Petrucc, M. R. L. (2003). Petrucc. Background to FrameNet. *International Journal of Lexicography*, 16 (3): 235—250.
- Golovanova, E. I. (2007). The subject and tasks of cognitive-historical terminology. *Scientific and technical terminology*, 1: 12—13. (In Russ.).
- Grinev, S. V. (1993). *Introduction to terminology*. Moscow: Moscow Lyceum. 309 p. (In Russ.).
- Ha, A. Y. H., Hyland, K. (2017). What is technicality? A Technicality Analysis Model for EAP vocabulary. *Journal of English for Academic Purposes*, 28: 35—49.

- Humbley, J. (2018). Socioterminology. In: *Languages for Special Purposes: An International Handbook*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG. 469—488. ISBN 978-3-1102-2800-7.
- Krasnykh, V. V. (2003). “Our own” among “strangers”: myth or reality? Moscow: Gnosis. 375 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2008). The concept of “paradigm” in linguistics: an introduction. In: *Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Collection of scientific papers*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 184 p. ISBN 978-5-248-00436-2. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1995). The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis). In: *Language and science at the end of the 20th century*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 238 p. (In Russ.).
- Kuhn, T. (1977). *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress. 300 p. (In Russ.).
- Lebedev, S. A. (2019). Classical, nonclassical and post-nonclassical methodology of science. *Humanitarian Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University*, 2 (76): 1—15. DOI: 10.18698/2306-8477-2019-2-596. (In Russ.).
- Leichik, V. M. (1986). On the linguistic substratum of the term. *Questions of linguistics*, 5: 87—97. (In Russ.).
- Leychik, V. M. (2007). *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow: LIBROCOM Book House. 256 p. ISBN 978-5-397-06819-2. (In Russ.).
- Lotte, D. S. (1931). *Current tasks of scientific and technical terminology*. Moscow: Nauka Publ. 158 p. (In Russ.).
- Manenko, L. A. (2024). *Cognitive theory of language: philosophical foundations and research directions*. Moscow: Gnosis. 448 p. ISBN 978-5-94244-086-2. (In Russ.).
- Manenko, L. A. (2015). European terminology: from the Westerian understanding of the term to the understanding of cognition and communication. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5: 24—32. (In Russ.).
- Manenko, L. A. (2021). Professional discourse at the intersection of general semiotic problems of cognition and communication. *Cognitive language research*, 1 (44): 32—40. (In Russ.).
- Massalina, I. P., Novodranova, V. F. (2009). *Discursive markers in the English language of naval affairs*. Kaliningrad: Publishing house of FGOU VPO “KSTU”. 278 p. ISBN 978-5-94826-258-1. (In Russ.).
- Mishlanova, S. L. (2003). *Term in medical discourse: Education, functioning, development*. Doct. Diss. Moscow. 392 p. (In Russ.).
- Novodranova, V. F. (2006). Cognitive terminology. In: *General terminology: an encyclopedic dictionary. Russian Terminological Society Ross Term*. Moscow: Moscow Lyceum. 82—84. (In Russ.).
- Ogdonova, Ts. Ts. (2010). Scientific paradigm as a key concept of modern language science. *Bulletin of the Buryat State University*, 10: 43—49. (In Russ.).
- Picht, H. (2013). Concepts as Reflection of Societal changes. In: *Terminologija*. Vilnius: Lietuvia kalbos institutas. 10—23.
- Rosyanova, T. S. (2019). *Cognitive aspects of the development and functioning of English marketing terminology*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 40 p. (In Russ.).
- Schubert, K. (2011). Specialized Communication Studies: An expanding discipline. In: *Current Trends in LSP Research: Aims Methods*. Bern: Peter Lang. 19—58.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

- Skrebtsova, T. G. (2018). *Cognitive linguistics: Classical theories, new approaches*. Moscow: YASK Publishing House. 391 p. ISBN 978-5-6040195-7-3. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1985). *In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art*. Moscow: Nauka Publ. 334 p. (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2003). Theoretical knowledge: structure, historical evolution. In: *Russian language: evolution of problems and aspects of learning*. Moscow: Progress-Tradition. 743 p. ISBN 5-89826-053-6. (In Russ.).
- Tatarinov, V. A. (2005). Terminological vocabulary of the Russian language: the evolution of problems and aspects of learning. In: *Russian language in modern society: Functional and status characteristics. Ser. “Theory and history of linguistics”*. Moscow: RAN. INION. 133—164. (In Russ.).
- Temmerman, R. (2007). Approaches to terminology. Now that the dust has settled. *Synaps: Fagspråk. Rjmmunikasjon. Kulturkunnskap*, 20: 27—36.
- Temmerman, R. (2000). *Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 258 p.
- Vinokur, G. O. (1959). *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 492 p. (In Russ.).
- Zhilov, R. A. (2016). On the issue of building cognitive maps for intelligent data processing. *Bulletin of the University of Physics and Mathematics*, 4—1 (16): 101—106. (In Russ.).

*The article was submitted 12.09.2025;
approved after reviewing 21.11.2025;
accepted for publication 20.12.2025.*